

И.С. Куликов. Портрет Е.Н. Чирикова. 1904

Оставаясь художником

«Волга дремала под лучами жаркого летнего дня. На песчаную отмель нагорного берега набегала ленивая волна прибой, нехотя играла скопившимися здесь гальками, ракушками, обломками древесной коры и тихо скатывалась, и отходила, оставляя на жёлтом песке неровную влажную полосу. Прямо на самой середине реки, на стрежне, громоздились, сверкая на солнце новым деревом, две несуразные, похожие на недостроенные дома, «беляны», двигавшиеся так медленно, что казались неподвижными. На луговой стороне Волги, в золотистой дымке солнечных лучей, синел

далёкий лес. На горизонте, меж далёких гор, окутанных синим туманом, небо сливалось с поверхностью сонной реки, и там белой змейкой курился дымок невидимого парохода. Над спокойной гладью реки время от времени тянулись, едва шевеля крыльями, белые мартышки и исчезали в золотистой пыли лугового берега... И на всём этом лежал отпечаток истома и лени, полнейшего нежелания шевелиться... Казалось, Волге было лень посылать волну на песчаную отмель, белянам – лень плыть, и они делали это как попало, то боком, то кормой, вполне отдаваясь воле течения,

мартышкам (птицы семейства крачковых. – Ред.) – лень взмахивать крыльями, кувыркаться и ловить рыбу, и они улетали куда-то спать...» – так Евгений Чirikov в своём рассказе «В лощине меж гор» описывает берег Волги в Сенгилее, задавая лейтмотив всего произведения. В начале XX века он был известным в России писателем и драматургом, неоднократно обращавшимся в творчестве к симбирскому периоду своей жизни. Чirikov жил в Сенгилее недолго, но город оставил у него неизгладимое впечатление. Писатель часто бывал и в Симбирске.

Евгений Чириков родился 24 июля (5 августа) 1864 года в Казани, в семье безземельного дворянина. В 1883 году будущий писатель окончил Казанскую гимназию и поступил на юридический факультет Казанского университета. Там он сразу же примкнул к революционно настроенному студенчеству. Как главного организатора декабрьской сходки и автора студенческой петиции его, студента 4 курса, исключили из университета в 1887 году и сослали в Нижний Новгород. В списке самых активных участников беспорядков Чириков значился третьим, а первокурсник Владимир Ульянов – тринадцатым. В Нижний Новгород Чириков приехал уже в роли известного героя казанских событий и автора сатирической «Оды императору Александру III». В этой антимонархической оде, имевшей небывалый успех, студент Чириков, обыгрывая «Гимн бороде» Ломоносова, славословил могучую фигуру царя и особенно его священную бороду, «широку, длину, кудреватую».

После этого Чириков ещё дважды арестовывался, жил под надзором полиции в Царицыне, Астрахани, Казани, Самаре, Минске (1887–1891). В Царицыне познакомился с Максимом Горьким, в Астрахани – с Чернышевским. Пробовал различные заработки – смотрителя керосиновой станции, счетовода на железной дороге, ревизора в паромном обществе... И в то же время продолжал писать в казанский «Волжский Вестник».

В начале 1892 года, в связи с гонениями за революционную деятельность, Чирикова вновь перенаправили в Казань. Позже он вместе с матерью попал и в Сенгилей, где подрабатывал уроками. Пьесы Чирикова ставили дворяне и интеллигенция из Сенгилеевского любительского театра, располагавшегося в пожарном депо. Не раз писатель выступал с чтением своих произведений на сцене Симбирского театра.

Сначала он печатался лишь в провинциальной прессе: в астраханских «Губернских ведомостях», в газете «Симбирские вести». В 1894 году петербургский журнал «Русское богатство»

опубликовал его рассказ, после этого начали появляться публикации и в других популярных толстых журналах – «Мир Божий», «Северный вестник», «Вестник Европы». Некоторые произведения этого периода тесно связаны с Симбирским краем: события рассказов «В долине меж гор», «Городок» происходят в уездном Сенгилее. В автобиографической трилогии «Жизнь Тарханова» многие страницы посвящены Симбирску.

Переехав в Москву, писатель вошёл в литературный кружок «Среда». Его пьесы пользовались успехом, их ставили в петербургской Александринке, в московских МХАТе и Малом театре, в Киеве, Харькове и на многих сценах русской провинции. Театр Корша в Москве и Новый театр в Петербурге поставили драму Чирикова под названием «Евреи», созданную потрясённым драматургом по следам кишинёвского погрома в 1904 году и вызвавшую большой общественный резонанс. В тифлисской постановке этой пьесы главного героя сыграл молодой Мейерхольд. В Берлине,

Е.Н.Чириков

Актёры Сенгилеевского любительского театра

Лондоне и Нью-Йорке в этой роли блистал великий Орленев.

«...первый раз в русской литературе является произведение, так славно, метко, верно изображающее отношение к евреям. И всё это сделано хорошо, очень хорошо», – писал о пьесе Максим Горький, которому Чириков лично зачитывал рукопись в его нижегородской квартире.

К слову сказать, евреи в жизни писателя сыграли немаловажную роль не только в связи с этой пьесой. В начале XX века в интеллигентской среде был популярен стишок: «Весь век прожил, чирикай, заслуга не великая». Его пустили в ход пиарщики после так называемого «чириковского инцидента».

18 февраля 1909 года в петербургской квартире актёра Н. Ходорова «литературная общественность» внимала чтению перевода с идиш пьесы Шолома Аша «Белая кость». Обсуждение свелось к благоговению перед пьесой и талантом писателя. Но неожиданно вмешался не возмущённый, но удивлённый Чириков. «Я вот чего не понимаю, господа, – сказал он. – Вы в один голос хвалите чисто бытовую пьесу, в то время как меня, Евгения Чирикова, регулярно разносите в своих критических статьях за низменное бытописание. Потрудитесь объяснить». Один известный петербургский критик немедленно отреагировал на это замечание, высказавшись о том, что человек, не вполне знакомый с многовековой еврейской традицией, не в состоянии понять, как в обычном быту еврейской семьи отражается высокий трагизм. Вот тогда уже Чириков, пьеса которого строилась как раз на «высоком трагизме в быту», не мог не возмутиться. «Ах, вот как! – воскликнул он. – Коли мы, русаки, не можем понять еврейского быта, то и вам, евреям, недоступно пониманье быта русских, и поэтому печально, что лишь критики еврей мне оценивают пьесы».

На следующий же день в еврейской газете появилось открытое письмо, в котором Чирикова обвиняли в антисемитизме. Писатель вновь не сдержался и ответил... Возник крупный скандал, раздутый прессой. За Чирикова публично никто из коллег не заступился. Куприн в письме Ф. Батюшкову писал: «Чириков... в столкновении с Шоломом Ашем был совсем не прав. Потому что нет ничего хуже полумер. Собрался кусать – кусай! А он не укусил, а только послонил». Отмыться до конца от «чириковского инцидента» Чирикову так и не удалось.

Презентация книги Е.Н. Чирикова в Сенгилеевском районном краеведческом музее им. А.И. Солуянова

Сочувственно восприняв Февральскую революцию, к Октябрьской он отнёсся отрицательно. Чириков поплатился за это не только изгнанием, но и многолетним запретом на издание своих произведений в Советской России. Ленин в 1919 году передал Чирикову записку: «Евгений Николаевич, уезжайте. Я вынужден буду Вас арестовать, если вы не уедете». Поводом к этому были острые публицистические статьи и брошюры – «Народ и революция», «Великий провокатор», «О врагах народа».

В 1920 году Чириков уехал в Софию, затем в Прагу. Участвовал в пражских русских изданиях, сотрудничал с рижской газетой «Сегодня», ковенским «Эхо». Много публиковался, писал пьесы, сценарии для кино. В 1924 году вышел его роман «Зверь из бездны: поэма страшных лет», где отразились ужасы революционного времени, Гражданской войны, красного и белого террора.

Но на родине творчество Чирикова на некоторое время подверглось забвению. Только в 1961 году, когда решили вернуться из эмиграции потомкам писателя, появилось единственное переиздание ранних произведений Чирикова – сборник «Повести и рассказы». В 2007 году в Доме-музее Марины Цветаевой прошла конференция «Е.Н. Чириков: возвращение к читателю». Марина Ивановна, всегда шедшая поперёк потока, общалась с изгоем в Чехословакии и нежно его любила.

«Его творчество свидетельствует о сочувствии, о мягкой меланхолии в отношении к людям и обстоятельствам», – пишет о Чирикове немецкий славист, литературный критик Вольфганг Казак.

Он отмечает, что талант Чирикова всегда оставался в тени Чехова, и это действительно так. Чириков был склонен к той же «драме в быту», «бытописательству» – сотворению из мелочей единой картины, в которой отражается весь драматизм человеческой жизни, но созданные им образы были не такими яркими и целостными, как у Антона Павловича. И всё же, несмотря на то, что мы находим в его творчестве чеховские и, отчасти, гончаровские мотивы, у Евгения Николаевича есть свой самобытный почерк, который не позволяет его произведениям уйти в забвение. В чётко прорисованных, трагикомичных характерах им поймано само неустаревающее, неизменное течение жизни.

Главное детище Чирикова, семейная сага «Отчий дом», вышла в издательстве «Эллис Лак» совсем недавно, в 2010 году. По итогам опроса литературных критиков и читателей книга вошла в сотню лучших изданий этого года. Через пять лет после выхода книги её презентовали в Сенгилеевском районном краеведческом музее им. А.И. Солуянова родственники Чирикова, приехавшие из Нижнего Новгорода. Они рассказали школьникам о «романе в пяти частях, дающем широкий исторический срез российского общества на рубеже XIX и XX столетий».

Писатель умер в Праге в 1932 году. В последние годы жизни от тоски по Волге он строил в своей пражской квартире панораму «Волжского городка» с колокольнями и куполами, с бегущими по воде пароходами из мха, коры и стекла.

Елена Плотникова